

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ имени М. В. ЛОМОНОСОВА

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
ИМЕНИ В. В. ВИНОГРАДОВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

В. И. Беликов, Л. П. Крысин

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

УЧЕБНИК ДЛЯ БАКАЛАВРИАТА И МАГИСТРАТУРЫ

2–е издание, переработанное и дополненное

*Рекомендовано Учебно–методическим отделом высшего образования
в качестве учебника для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по гуманитарным направлениям и специальностям*

**Книга доступна в электронной библиотечной системе
biblio-online.ru**

Москва ■ Юрайт ■ 2016

УДК 80(075.8)
ББК 81.2я73
Б43

Рекомендовано к печати
ученым советом Института русского языка имени В. В. Виноградова
Российской академии наук

Авторы:

Беликов Владимир Иванович — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, профессор кафедры компьютерной лингвистики Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета;

Крысин Леонид Петрович — доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом современного русского языка Института русского языка имени В. В. Виноградова Российской академии наук.

Рецензенты:

Крейдлин Г. Е. — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета;

Шмелев А. Д. — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета.

Беликов И. В., Крысин Л. П.

Б43 Социолингвистика : учебник для бакалавриата и магистратуры / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2016. — 337 с. — Серия : Авторский учебник.

ISBN 978-5-9916-5747-1

Учебник излагает основы относительно молодой отрасли языкознания — социолингвистики. После краткого введения авторы знакомят читателя с ключевыми понятиями социолингвистики и кругом проблем, которыми занимается эта наука, определяют место социолингвистики среди социальных наук (социологии, социальной психологии, демографии) и в ряду других лингвистических дисциплин, характеризуют направления, сформировавшиеся или только формирующиеся в рамках социолингвистики, описывают методы, которыми пользуется эта отрасль языкознания. Особый интерес — не только лингвистический, но и социально-политический и историко-культурный — представляет приложение, в котором описаны процессы формирования языковой ситуации в России и СССР и ее современные особенности.

В учебнике получил отражение широкий круг современных социолингвистических исследований, выполненных на материале разных языков и различных языковых сообществ; библиография использованных работ прилагается в конце книги.

Содержание учебника соответствует актуальным требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования.

Для студентов, аспирантов и преподавателей филологических факультетов университетов.

УДК 80(075.8)
ББК 81.2я73

ISBN 978-5-9916-5747-1

© Беликов В. И., Крысин Л. П., 2001
© Беликов В. И., Крысин Л. П., 2015,
с изменениями
© ООО «Издательство Юрайт», 2016

Оглавление

Предисловие	6
Введение	8
Что изучает социолингвистика?	8
Истоки социолингвистики.....	11
Статус социолингвистики как научной дисциплины.....	13
Объект социолингвистики.....	13
Глава 1. Основные понятия социолингвистики	15
1.1. Языковое сообщество	15
1.2. Родной язык и смежные понятия.....	16
1.3. Языковой код	18
1.4. Социально-коммуникативная система.....	19
1.5. Языковая ситуация	20
1.6. Переключение и смешение кодов	21
1.7. Интерференция	24
1.8. Языковая вариативность.....	27
1.9. Языковая норма.....	30
1.10. Литературный язык (стандарт).....	32
1.11. Диалект	34
1.12. Социолект	35
1.13. Арго. Жаргон. Сленг.....	36
1.14. Койне	39
1.15. Просторечие	40
1.16. Диглоссия и двуязычие	41
1.17. Сферы использования языка	44
1.18. Речевая и неречевая коммуникация	45
1.19. Коммуникативная ситуация.....	46
1.20. Речевое общение, речевое поведение, речевой акт	48
1.21. Коммуникативная компетенция носителя языка.....	50
Глава 2. Проблемы социолингвистики	52
2.1. Соотношение языка и диалекта.....	52
2.1.1. Соотношение бесписьменных идиомов	55
2.1.2. Устный идиом и письменная традиция	60
2.1.3. Социально обусловленные дивергентные процессы в лингвогенезе.....	66
2.1.4. Гетерогенные языковые традиции.....	69
2.2. Социальная дифференциация языка.....	71

2.3. Социальная обусловленность языковой эволюции	77
2.3.1. Социолингвистическая концепция Е. Д. Поливанова.....	78
2.3.2. Некоторые современные социолингвистические концепции языкового развития.....	81
2.4. Смещение языков. Пиджины и креольские языки	88
2.4.1. Зарождение контактного языка.....	89
2.4.2. Типы пиджинов и их эволюция.....	91
2.4.3. Становление развитых контактных языков.....	99
2.4.4. Контактный континуум.....	105
2.4.5. Функционирование развитых пиджинов и креольских языков	108
2.5. Владение языком как социолингвистическая проблема	112
2.5.1. Собственно лингвистический уровень.....	115
2.5.2. Национально-культурный уровень.....	116
2.5.3. Энциклопедический уровень.....	118
2.6. Социальный аспект речевого общения	119
2.6.1. Речевое общение в социально неоднородной среде	120
2.6.2. Социальная регуляция речевого общения.....	123
2.7. Социальные ограничения в семантике и в сочетаемости языковых единиц.....	126
2.7.1. Социальные компоненты в семантике слова	126
2.7.2. Социальные ограничения в сочетаемости слова	129

Глава 3. Нелингвистические основания социолингвистики:

социология, социальная психология, демография..... 133

3.1. Носитель языка в социальной структуре	133
3.1.1. Структура общества.....	134
3.1.2. Индивид в обществе	139
3.1.3. Социальное неравенство	145
3.1.4. Языковая специфика социологических понятий	147
3.2. Носитель языка в демографической структуре	161
3.2.1. Демография как дисциплина, вспомогательная для социолингвистики	161
3.2.2. Источники демографической информации	164
3.2.3. Основные демографические показатели	167
3.3. Сведения о языках в советских переписях населения.....	178

Глава 4. Направления социолингвистических исследований .....

4.1. Синхроническая социолингвистика	181
4.2. Диахроническая социолингвистика.....	183
4.3. Макросоциолингвистика	186
4.4. Микросоциолингвистика.....	188
4.5. Теоретическая и экспериментальная социолингвистика.....	192
4.6. Социолингвистика и социология языка.....	195
4.7. Прикладная социолингвистика.....	197

Глава 5. Методы социолингвистики..... 201

5.1. Отбор информантов.....	202
5.2. Методы сбора материала.....	210
5.2.1. Наблюдение	210

5.2.2. Включенное наблюдение.....	213
5.2.3. Устное интервью.....	215
5.2.4. Анкетирование.....	217
5.2.5. Тесты.....	229
5.3. Обработка и представление статистических результатов.....	230
5.4. Анализ письменных источников.....	235
5.5. Массовые обследования говорящих.....	239
5.6. Соотношение направлений и методов социолингвистических исследований.....	242
Заключение. Социолингвистика среди других лингвистических дисциплин	247
Приложение. Языковая ситуация и языковая политика в России и СССР.....	252
1. Становление языковой ситуации в России.....	252
1.1. Начальный этап.....	252
1.2. Языковая ситуация в XIII–XVII веках.....	253
1.3. Языковая ситуация в XVIII – начале XIX века.....	257
2. Этническая и языковая политика Российской империи.....	259
2.1. Язык и религия. Языковая политика в области образования.....	259
2.2. Русификация как основное направление языковой политики русского государства во второй половине XIX века.....	263
2.3. Языковая политика XIX – начала XX века в издательском деле.....	272
2.4. Знание языка и служебная карьера.....	274
2.5. Языковая ситуация после революции 1905 года.....	276
3. Национальная и языковая политика советского государства.....	279
3.1. Этно-языковая ситуация после краха Российской империи.....	279
3.2. Национальная политика в СССР.....	281
3.3. Языковое строительство до середины 1930-х годов.....	284
3.4. Смена ориентиров в языковой политике.....	295
4. Этно-языковой состав Российской Федерации по данным переписи 1989 года. Языковая лояльность и ее динамика.....	306
Список литературы.....	313
Предметный указатель.....	331

Предисловие

Первое издание этого учебника вышло в 2001 г. Оно сразу же получило применение в преподавании курса социалингвистики на филологических факультетах вузов России. Используют этот учебник и сейчас. Однако за прошедшие пятнадцать лет в социалингвистике — этой относительно молодой, но быстро развивающейся отрасли современного языкознания — появились новые идеи и новые результаты, знакомство с которыми необходимо студентам и аспирантам-филологам. Некоторые из этих новых идей и результатов получили отражение в настоящем издании. Кроме того, в текст книги нами внесены поправки, связанные с необходимостью более ясной подачи тех или иных теоретических положений, с дополнением текста новым языковым и социалингвистическим материалом, с пополнением списка использованной в пособии литературы публикациями, появившимися в начале XXI в.

Наш учебник отличается от других учебных пособий, построенных в строгом соответствии со спецификой этого жанра: в нем нет практических заданий, материал не распределен по видам и типам занятий со студентами и т.д. Это скорее учебная книга о социалингвистике. Однако, как мы считаем, в этой книге читатель найдет все необходимые сведения о социалингвистике, ее основных понятиях, проблемах, которыми она занимается, методах, с помощью которых решаются эти проблемы, основных направлениях, по которым развиваются социалингвистические исследования, о связях социалингвистики с другими науками о человеке и обществе.

В результате освоения данного курса студент должен:

знать

- основные понятия социалингвистики;
- основные направления современной социалингвистики;
- основные исследовательские результаты современной социалингвистики;
- методы социалингвистики;
- связи между этнографией, культурой, историей и развитием языков в различных регионах;

уметь

- обнаруживать корреляцию между языковыми явлениями и общественной жизнью;
- анализировать роль языка в жизни общества;
- применять методы социалингвистики к анализу языковых явлений;
- понимать лингвистическую значимость социальных процессов;
- обнаруживать ведущую роль внутренних законов языка в социокультурных процессах;

владеть

- основными методами социолингвистического анализа;
- методикой исследования языка под социальным углом зрения в различных сферах его использования говорящими;
- методикой анкетирования (составления, распространения и обработки анкет);
- методикой верификации достоверности социолингвистических данных об использовании языка в разных социальных группах говорящих;
- способами и формами представления социолингвистической информации, полученной в результате применения различных методов сбора языкового материала.

Авторы выражают уверенность в том, что данное исправленное и дополненное издание книги «Социолингвистика» окажется полезным для преподавателей, студентов и аспирантов филологических факультетов университетов.

Введение

Что изучает социалингвистика?

Один пятилетний мальчик, сын продавщицы из магазина «Одежда», как-то сказал:

— Я всех люблю одинаково, а мамочку *на один номер больше*.

А другой, у которого отец был писатель и постоянно обсуждал в семье издательские дела, попросил:

— Папа, скажи *редактору* этой *карусели* — нельзя ли мне, наконец, покататься!

Это примеры из бессмертной книги Корнея Чуковского «От двух до пяти». Они свидетельствуют: профессиональные занятия родителей и связанная с этими занятиями терминология влияют на речь детей. Речевые особенности других взрослых тоже могут влиять на речь ребенка. В одной семье нянька, нанятая для воспитания сына, отличалась ярким диалектным выговором: она произносила *идётъ, едутъ, чаво, колидор, ейный, в пальте*. После нескольких месяцев общения с ней и воспитанник ее стал говорить так же (потом пришлось его переучивать).

Описанные ситуации — подтверждение некоей общей закономерности: среда, в которой живет человек, влияет на его речевые навыки. Наиболее податлив к такому влиянию ребенок. Но и взрослые усваивают, часто неосознанно, языковые особенности окружающих — членов семьи, друзей, сослуживцев.

Различные воздействия социальной среды на язык и на речевое поведение людей и изучает социалингвистика. «Чистая», или «просто» лингвистика, анализирует языковой знак сам по себе: его звуковую и письменную форму, его значение, сочетаемость с другими знаками, его изменения во времени. Социалингвистика делает упор на то, как используют языковой знак люди, — все одинаково или по-разному, в зависимости от своего возраста, пола, социального положения, уровня и характера образования, от уровня общей культуры и т.п.?

Чтобы различие в задачах, стоящих перед социо- и «просто» лингвистикой, стало наглядным, рассмотрим примеры. Возьмем хорошо известное каждому говорящему по-русски слово *добыча*. Описывая его с точки зрения «чистой» лингвистики, надо указать следующее: существительное женского рода, I склонения, неодушевленное, в форме множественного числа не употребляющееся, трехсложное, с ударением на втором слоге во всех падежных формах, обозначает действие по глаголу *добывать* (*добыча угля*) или результат действия (*Добыча составила тысячу тонн* или, в другом значении: *Охотники вернулись с богатой добычей*).

Социалингвист отметит еще такие свойства этого существительного: в языке горняков оно имеет ударение на первом слоге: *дóбыча* и употребляется как в единственном, так и во множественном числе: *несколько дóбыч*.

Другой пример. В языке моряков словом *конец* называют канат. Социолингвист, изучающий подобные факты, не пройдет мимо такого комментария к слову *конец*, который приводит в воспоминаниях о Борисе Житкове К. И. Чуковский. Житков и Чуковский (дело было во времена их молодости, в Одессе) вдвоем оказались в бушующем море на утлой лодчонке, и ветер погнал их лодку на волнорез.

«Житков с изумительным присутствием духа прыгнул с лодки на мол, на его покатую, мокрую, скользкую стену и вскарабкался на самый гребень. Оттуда он закричал мне:

— Конец!

“Конец”— по-морскому канат. Житков требовал, чтобы я кинул ему веревку, что лежала свернутой в кольцо на носу, но так как в морском лексиконе я был еще очень нетверд, я понял слово “конец” в его общем значении и завопил от предсмертной тоски...»

К. И. Чуковский, «Современники»

Подобные различия могут обуславливаться не только профессией, но и, например, характером образования: одно дело — «технарь», человек, окончивший технический институт, и другое — «гуманитарий», скажем, филолог или историк. У них разные языковые склонности, разные речевые пристрастия и навыки. В современном русском обществе, например, речь технической интеллигенции в большей степени, чем речь интеллигенции гуманитарной, подвержена влиянию жаргона: в ней не редкость слова и выражения типа *клёво, доходяга, лопухнуться, лаж, стоять на ушах, наезжать на кого-либо, качать права* и т.п.

Люди одной профессии или одного узкого круга общения нередко образуют довольно замкнутые группы, которые вырабатывают свой язык. В старину был известен жаргон офеней — бродячих торговцев, которые своею непонятной непосвященным манерой речи как бы отгораживались от остального мира, сохраняя в тайне секреты своего промысла. В наше время язык программистов и всех тех, кто профессионально имеет дело с компьютером, также превратился в своеобразный жаргон: монитор у них именуется *глазом*, диски — *блинами*, пользователь — *юзером* и т.п.

Элементы таких жаргонов — слова, обороты, синтаксические конструкции, особенности произношения и словоизменения — играют роль не только средств, передающих информацию, но и своеобразных символов: по ним опознается свой для данной группы человек, а по их отсутствию — «чужак». Изучение групповых языков, речевого поведения человека как члена определенной группы — прямое дело социолингвистики.

В каждом языке есть различные формы обращения к собеседнику. В русском языке две основные формы: на «ты» и на «Вы». К незнакомому или малознакомому взрослому надо обращаться на «Вы» (так же — к старшим по возрасту, даже и знакомым), а обращение на «ты» — знак более близких, сердечных отношений. Изучение социальных условий, влияющих на выбор форм личного обращения (а также приветствий, извинений, просьб, прощания и т.п.), — также область интересов социолингвистики. Русский речевой этикет — лишь один, причем сравнительно простой пример из этой области. В других языках, например, в японском и корейском,

существуют гораздо более сложные правила вежливого обращения к собеседнику (о некоторых из них мы расскажем в основной части нашей книги).

Разные ситуации общения требуют использования разных языковых средств. Это хорошо понимали задолго до рождения социолингвистики. А. С. Пушкин писал: «В обществе вы локтем задели соседа вашего, вы извиняетесь, — очень хорошо. Но, гуляя в толпе под качелями, толкнули лавочника — вы не скажете ему: *mille pardons!* Вы зовете извозчика — и говорите ему: *пошел в Коломну*, а не — *сделайте одолжение, потрудитесь свезти в Коломну*».

По наблюдениям одного учителя, до революции на Дону дети в школе употребляли наречие *здесь*, дома же надо было говорить *тут*: *здесь* воспринималось коренными носителями донского говора как городское, чужое, в отличие от своего *тут*.

Это примеры речевых различий в зависимости от условий общения. Но в каждой ситуации человек может занимать разную позицию: быть собеседником «на равных» или чувствовать свое превосходство над партнером по коммуникации (либо, напротив, свою подчиненность ему). Общаясь друг с другом, люди как бы исполняют разные роли: отца, мужа, сына (в семье), начальника, подчиненного, сослуживца (в служебной обстановке), пассажира и кондуктора, покупателя и продавца, врача и пациента и т.п. Тип роли обуславливает характер речи и речевого поведения: с отцом говорят не так, как со сверстником, с преподавателем в вузе — иначе, чем с продавцом, повелительные конструкции в устах врача естественны, когда он исполняет свою служебную роль (*Дышите! Задержите дыхание! Разденьтесь!*), и неуместны, когда он, например, едет в автобусе, и т.д.

Представление о том, в каких ситуациях, при исполнении каких ролей каким языком надо говорить, формируется по мере того, как ребенок постепенно превращается во взрослого. Этот процесс называется языковой социализацией (подробнее об этом в гл. 3), т.е. языковым «вхождением» в данное общество. И его изучает социолингвистика.

Есть общества (государства, страны, области и территории), где используется не один язык, а два или несколько. Часто один из них — государственный и в этом смысле общеобязательный: если ты хочешь нормально жить в этом обществе, общаясь с другими людьми, с властью, продвигаясь по социальной лестнице, изволь знать государственный язык. Другие существующие в данном обществе языки — это обычно родные языки людей, объединенных в те или иные этнические группы или составляющих целые народы (таково положение, например, во многих странах современной Африки). Функционируя в тесном соседстве друг с другом, разные языки, обслуживающие то или иное сообщество, могут смешиваться, приобретать разного рода промежуточные формы: пиджины, креольские языки (об этом в гл. 2). В процессе образования и функционирования подобных языков социолингвистику интересуют социальные и ситуативные условия, в которых они используются и взаимодействуют друг с другом.

Социолингвисты ставят перед собой и такую задачу: регулировать развитие и функционирование языка (языков), не полагаясь целиком на самопроизвольное течение языковой жизни. Полезное и важное подспорье при выполнении этой задачи — изучение **оценок**, которые дают люди своему

или чужому языку, отдельным языковым элементам. Говорящие оценивают одни и те же факты речи по-разному: одни люди, например, легко принимают новшества, другие же, напротив, отстаивают традиционные способы выражения; одним нравится строгость иностранных научных терминов, а их оппоненты ратуют за самобытность специальной терминологии. Изучение различий в оценках языковых фактов позволяет выделять социально более престижные и менее престижные формы речи, а это немаловажно с точки зрения перспектив развития языковой нормы, ее обновления.

Разработка лингвистических проблем, направленных на то, чтобы управлять языковыми процессами, носит название языковой политики; **языковая политика** — часть социолингвистики, выход этой науки в речевую практику.

Современная социолингвистика развивается бурно, в разных направлениях. Ее существование и развитие тесно связано с такими научными дисциплинами, как психолингвистика (наука об индивидуальных особенностях усвоения языка и владения им), социология, социальная психология, демография, этнография и ряд других. Дальше мы расскажем об этих связях и проиллюстрируем их на конкретных примерах.

Истоки социолингвистики

То, что язык далеко не единообразен в социальном отношении, известно давно. Одно из первых письменно зафиксированных наблюдений, свидетельствующих об этом, относится еще к началу XVII в. Гонсало де Корреас, преподаватель Саламанкского университета в Испании, вполне четко разграничивал социальные разновидности языка: «Нужно отметить, что язык имеет кроме диалектов, бытующих в провинциях, некоторые разновидности, связанные с возрастом, положением и имущественным состоянием жителей этих провинций: существует язык сельских жителей, простолюдинов, горожан, знатных господ и придворных, ученого-историка, старца, проповедника, женщин, мужчин и даже малых детей» (цит. по: Степанов, 1976, с. 22)¹.

Термин «социолингвистика» впервые употребил в 1952 г. американский социолог Г. Карри (Currie, 1952). Означает ли это, что и наука о социальной обусловленности языка зародилась в начале 1950-х гг.? Нет. Корни социолингвистики глубже, и искать их нужно не в американской научной почве, а в европейской и, в частности, в русской.

Лингвистические исследования, учитывающие обусловленность языковых явлений явлениями социальными, с большей или меньшей интенсивностью начали вестись уже в начале нынешнего века во Франции, России, Чехии. Иные, чем в США, научные традиции обусловили то положение, при котором изучение связей языка с общественными институтами, с эволюцией общества никогда принципиально не отделялось в этих странах

---

¹ Здесь и далее в круглых скобках указываются автор цитируемой работы или ее краткое название, год ее издания и, если это необходимо, после запятой — номер цитируемой страницы. Полностью выходные данные работы приведены в списках основной и дополнительной литературы в конце учебного пособия. Большая и Малая советские энциклопедии цитируются с указанием издания, тома и столбца (страницы). В цитатах все вставки в квадратных скобках принадлежат авторам учебника.

от «чистой» лингвистики. «Так как язык возможен только в человеческом обществе, — писал И. А. Бодуэн де Куртенэ, — то, кроме психической стороны, мы должны отмечать в нем всегда сторону социальную. Основанием языковедения должна служить не только индивидуальная психология, но и социология» (Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 15).

Таким выдающимся ученым первой половины XX в., как И. А. Бодуэн де Куртенэ, Е. Д. Поливанов, Л. П. Якубинский, В. М. Жирмунский, Б. А. Ларин, А. М. Селищев, Г. О. Винокур в России, Ф. Брюно, А. Мейе, П. Лафарг, М. Коэн во Франции, Ш. Балли и А. Сеше в Швейцарии, Ж. Вандриес в Бельгии, Б. Гавранек, В. Матезиус в Чехословакии и другим¹, принадлежит ряд идей, без которых современная социолингвистика не могла бы существовать. Это, например, идея о том, что все средства языка распределены по сферам общения, а деление общения на сферы имеет в значительной мере социальную обусловленность (Ш. Балли); идея социальной дифференциации единого национального языка в зависимости от социального статуса его носителей (работы русских и чешских языковедов); положение, согласно которому темпы языковой эволюции зависят от темпов развития общества, а в целом язык всегда отстает в совершающихся в нем изменениях от изменений социальных (Е. Д. Поливанов); распространение методов, применявшихся при изучении сельских диалектов, на исследование языка города (Б. А. Ларин); обоснование необходимости социальной диалектологии, наряду с диалектологией территориальной (Е. Д. Поливанов); важность изучения жаргонов, арго и других некодифицированных сфер языка для понимания внутреннего устройства системы национального языка (Б. А. Ларин, В. М. Жирмунский, Д. С. Лихачев) и др.

Американские исследователи в области социолингвистики подчас заново открывают то, на что уже обращали внимание их европейские предшественники². Однако, справедливости ради, надо сказать, что, в отличие от работ первой трети XX в., в значительной части умозрительных, не опирающихся на более или менее обширный конкретный языковой материал (исключение составляют, пожалуй, работы А. М. Селищева — см., например (Селищев, 1928), но они и слабей других в теоретико-лингвистическом отношении), в современных социолингвистических исследованиях, в том числе американских, явно выражено стремление к сочетанию тщательной теоретической разработки и конкретного анализа социально-языковых связей и зависимостей.

Характерная черта социолингвистики второй половины XX столетия — переход от работ общего плана к экспериментальной проверке выдвигаемых гипотез, математически выверенному описанию конкретных фактов. По мнению одного из представителей американской социолингвистики Дж. Фишмана, на современном этапе изучение языка под социальным углом зрения характеризуется такими чертами, как системность, строгая

---

¹ Обзор исследований, отражающих ранний этап развития социолингвистики в разных странах, см. в работах (Орлов, 1969; Гухман, 1972; Краус, 1976; Krysin, 1977; Слюсарева, 1981).

² При чтении американских работ по социолингвистике (да и по многим другим отраслям языкознания) поражает почти полное отсутствие ссылок на исследования «европейцев», и прежде всего русских ученых. По всей видимости, это результат не умышленного пренебрежения к опыту других, а элементарного незнания о нем.

направленность сбора данных, количественно-статистический анализ фактов, тесное переплетение лингвистического и социологического аспектов исследования (Fishman, 1971, с. 10).

При этом преобладает **синхронический аспект**, анализ связей между элементами структуры языка и элементами структуры общества; в работах предшествующего периода чаще постулировалась сопряженность эволюции языка с развитием общества, т.е. для этих работ был характерен **диахронический аспект** (о различиях синхронической и диахронической социолингвистики в гл. 4).

Статус социолингвистики как научной дисциплины

Из самого названия научной дисциплины — **социолингвистика** — видно, что она возникла на стыке двух наук — социологии и лингвистики. Междисциплинарный характер социолингвистики признают многие ученые (Hymes, 1972; Краус, 1974). Однако само по себе это признание не отвечает на вопрос: чего больше в этой науке — социологии или лингвистики? Кто занимается ею — профессиональные социологи или профессиональные языковеды (вспомним, что первым употребил термин «социолингвистика» социолог)?

Надо сразу же и совершенно определенно сказать: современная социолингвистика — это отрасль языкознания. Пока эта отрасль только формировалась, становилась на ноги, можно было спорить о ее статусе. Но сейчас, в начале XXI в., когда в социолингвистике не только определились объект, цели и задачи исследований, но и получены ощутимые результаты, совершенно очевидна языковедческая природа этой науки. Иное дело, что социолингвисты заимствовали многие методы у социологов (вот оно — «социо-»), например, методы массовых обследований, анкетирования, устных опросов и интервью (подробнее об этом в гл. 5). Но, заимствуя у социологов эти методы, социолингвисты используют их творчески, применительно к задачам изучения *языка*, а кроме того, на их основе вырабатываются собственные методические приемы работы с языковыми фактами и с носителями языка.

Объект социолингвистики

В начале нашего изложения мы попытались на нескольких элементарных примерах показать, что изучает социолингвистика. Сформулируем теперь в более строгой форме представление об **объекте** этой науки.

Один из основателей современной социолингвистики американский исследователь Уильям Лабов определяет социолингвистику как науку, которая изучает «язык в его социальном контексте» (Лабов, 1975). Если расшифровать это лапидарное определение, то надо сказать, что внимание социолингвистов обращено не на собственно язык, не на его внутреннее устройство, а на то, как пользуются языком люди, составляющие то или иное общество. При этом учитываются все факторы, могущие влиять на использование языка, — от различных характеристик самих говорящих (их возраста, пола, уровня образования и культуры, вида профессии и т.п.) до особенностей конкретного речевого акта.

«Тщательное и точное научное описание определенного языка, — отмечал Р. Якобсон, — не может обойтись без грамматических и лексических правил, касающихся наличия или отсутствия различий между собеседни-

ками с точки зрения их социального положения, пола или возраста; определение места таких правил в общем описании языка представляет собой сложную лингвистическую проблему» (Якобсон, 1985, с. 382).

В отличие от порождающей лингвистики, представленной, например, в работах Н. Хомского (Хомский, 1972, с. 9), социолингвистика имеет дело не с идеальным носителем языка, порождающим только правильные высказывания на данном языке, а с реальными людьми, которые в своей речи могут нарушать нормы, ошибаться, смешивать разные языковые стили и даже разные языки и т.п. Важно понять, чем объясняются все подобные особенности реального использования языка.

Тем самым при социолингвистическом подходе к языку объектом изучения является **функционирование языка** (как в синхронном аспекте, так и в процессе эволюции языка); его внутренняя структура принимается как некая данность и специальному исследованию не подвергается (за исключением случаев, когда социальное внедряется в ткань языка и является компонентом строения языковых единиц; см. об этом в гл. 2).

А каков объект социолингвистики в обществах, где функционируют два, три языка, множество языков? В этом случае социолингвист должен исследовать механизмы функционирования нескольких языков в их взаимодействии: в каких сферах социальной жизни они используются? Каковы взаимоотношения между ними по статусу и функциям? Какой язык «главенствует», т.е. является государственным или официально принятым в качестве основного средства общения, а какие вынуждены довольствоваться ролью семейных и бытовых языков? Как, при каких условиях и в каких формах возникают дву- и многоязычие? Ответы на этого рода вопросы — компетенция социолингвистики.

Итак, объект социолингвистики — язык в его функционировании. А поскольку язык функционирует в обществе, обладающем определенной социальной структурой, постольку и можно говорить о социолингвистике как о науке, исследующей язык в социальном контексте (формула У. Лабова).

Как и всякая наука, претендующая на самостоятельный статус, социолингвистика оперирует некоторым набором специфических для нее понятий: **языковое сообщество, языковая ситуация, социально-коммуникативная система, языковая социализация, коммуникативная компетенция, языковой код, переключение кодов, билингвизм (двуязычие), диглоссия, языковая политика** и ряд других. Кроме того, некоторые понятия заимствованы из других областей языкознания: **языковая норма, речевое общение, речевое поведение, речевой акт, языковой контакт, смешение языков, язык-посредник** и др., а также из социологии, социальной психологии: **социальная структура общества, социальный статус, социальная роль, социальный фактор** и некоторые другие.

Все эти понятия нуждаются в определениях. В гл. 1 мы дадим определения большинству из перечисленных понятий, не погружаясь в подробное изучение явлений, стоящих за каждым из понятий, и тех проблем, которые возникают при изучении таких явлений. Понятия, относящиеся к ведению социологии, социальной психологии и демографии, будут рассмотрены в гл. 3.

Глава 1

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

1.1. Языковое сообщество

На первый взгляд, понятие языкового сообщества не нуждается в разъяснениях — это сообщество людей, говорящих на данном языке. Однако в действительности такого понимания недостаточно. Например, французы, живущие во Франции, и говорящие по-французски канадцы не составляют одного сообщества. Нельзя объединить в одно языковое сообщество англичан и американцев (хотя и те, и другие говорят по-английски), испанцев и пользующихся испанским языком жителей Латинской Америки и т.д. Язык один и тот же (или почти один и тот же¹), а сообщества разные.

С другой стороны, составляют ли разные языковые сообщества люди, живущие в одном городе, работающие на одних и тех же предприятиях, но имеющие в качестве родных разные национальные языки, — например, русские, татары, украинцы?

Именно при изучении второго рода явлений — дву- и многоязычия при общности социальной жизни — возникла необходимость в понятии «языковое сообщество»: с помощью этого понятия исследователь определяет социальные рамки, в которых функционирует один язык или несколько языков, взаимодействующих друг с другом.

Языковое сообщество — это совокупность людей, объединенных общими социальными, экономическими, политическими и культурными связями и осуществляющих в повседневной жизни непосредственные и опосредствованные контакты друг с другом и с различными социальными институтами при помощи одного языка или разных языков, распространенных в этой совокупности. В близком значении в социолингвистике используется также термин «речевое общество» (Гамперц, 2012).

Границы распространения языков очень часто не совпадают с политическими границами. Самый очевидный пример — современная Африка,

---

¹ В действительности французский язык в Канаде несколько отличается от французского языка на территории его исконного распространения, английский язык США имеет даже специальное название — *American English*, отграничивающее его от британского варианта (*British English*); сходная картина и с испанским языком в Испании и, скажем, на Кубе (см. об этом: Реферовская, 1972; Швейцер, 1963; Швейцер, 1971; Степанов, 1963). Однако в данном случае, при определении понятия «языковое сообщество», мы можем пренебречь незначительными различиями этих языков, зависящими от территории их распространения.

где на одном и том же языке могут говорить жители разных государств (таков, например, суахили, распространенный в Танзании, Кении, Уганде, частично в Заире и Мозамбике), а внутри одного государства сосуществуют несколько языков (в Нигерии, например, более 200 языков!) (Виноградов и др., 1984). Поэтому при определении понятия «языковое сообщество» важно сочетание лингвистических и социальных признаков: если мы оставим только лингвистические, то речь будет идти лишь о языке, безотносительно к той среде, в которой он используется; если же опираться только на социальные критерии (включая и политико-экономические, и культурные факторы), то вне поля внимания останутся языки, функционирующие в данной социальной общности.

В качестве языкового сообщества могут рассматриваться совокупности людей, различные по численности входящих в них индивидов, — от целой страны до так называемых малых социальных групп (например, семьи, спортивной команды): критерием выделения в каждом случае должны быть *общность социальной жизни и наличие регулярных коммуникативных контактов*. Одно языковое сообщество может быть объемлющим по отношению к другим. Так, современная Россия — пример языкового сообщества, которое объемлет, включает в себя языковые сообщества меньшего масштаба — республики, области, города. В свою очередь, город как языковое сообщество включает в себя языковые сообщества еще меньшего масштаба — предприятия, учреждения, учебные заведения.

Чем меньше численность языкового сообщества, тем выше его языковая однородность. В России существуют и взаимодействуют друг с другом десятки национальных языков и их диалектов, а в крупных российских городах основные формы общественной жизни осуществляются с помощью уже значительно меньшего числа языков, часто на двух (Казань — татарский и русский, Майкоп — адыгейский и русский) или трех (Уфа — башкирский, татарский и русский), а при национальной однородности населения — преимущественно на одном языке (Москва, Петербург, Саратов, Красноярск).

В рамках таких языковых сообществ, как завод, научно-исследовательский институт, средняя школа, преобладает один язык общения. Однако в малых языковых обществах — таких, как семья, где коммуникативные контакты осуществляются непосредственно, может быть не один, а два языка. Их может быть даже больше: известны семьи русских эмигрантов, использующие во внутрисемейном общении несколько языков (Земская, 1998). Подробнее об этом в параграфе 4.4.

1.2. Родной язык и смежные понятия

В двуязычных языковых сообществах многие индивиды владеют более, чем одним языком; в таком случае языки различаются и по порядку усвоения, и по той роли, которую они играют в жизни билингва.

В отечественной социолингвистике первый усвоенный язык чаще всего называется **родным языком**, мы также будем пользоваться этим термином.

Но в повседневном обиходе, публицистике, а иногда и в научных работах это словосочетание часто употребляется в другом значении — *Наши дети не понимают ни слова на родном языке; Горожане забывают родной язык* и т.п. — здесь под родным языком имеется в виду язык, специфичный для данного этноса. В таком значении мы будем пользоваться термином **этнический язык**¹. Например, этническим языком эвенка всегда будет эвенкийский; если он родился в Якутии, то его родным языком, скорее всего, будет якутский. А основным языком общения, в зависимости от рода занятий и места жительства, может оказаться русский.

Встречаются ситуации, когда с раннего детства ребенок в одинаковой степени хорошо усваивает два языка; фактически он чаще заговаривает на каком-то одном из них, но уже в дошкольном возрасте его компетенция в каждом из языков неотличима от компетенции одноязычного ребенка. В этом случае родными естественно считать оба языка. (Впрочем, исследование некоторых частных проблем — эмоциональной привязанности к двум языкам, их символической ценности для индивида — могут потребовать различения двух таких языков².) Наконец, не так уж редко, особенно при эмиграции, возникают ситуации, когда одноязычный в раннем детстве ребенок, пройдя недолгий период двуязычия, полностью переходит на новый язык и к подростковому возрасту старый (прежде единственный известный ему) утрачивает практически полностью. В этом случае целесообразно родным считать именно второй язык.

Итак, **родной язык** — это язык, усвоенный в детстве, навыки использования которого в основном сохраняются и во взрослом возрасте; родных языков может быть более одного.

Всякий язык, которым индивид овладел после родного, называется **вторым языком**. Конечно, при таком определении вторых языков может оказаться несколько. Отличать второй по порядку овладения язык от третьего (иногда и последующих), как правило, нет нужды, поскольку функции неродных языков, степень владения ими мало зависят от порядка, в котором индивид начал их использовать.

Языки в двуязычном сообществе редко бывают равноправны. В общественной жизни, в профессиональной деятельности, в неформальном общении с друзьями и членами семьи человек может использовать разные языки. При этом использование одного языка часто преобладает; это **основной (доминирующий) язык**, тогда остальные языки, известные инди-

---

¹ В. М. Алпатов (1997) предложил называть родной язык (в оговоренном выше смысле) материнским языком (ср. нем. *Muttersprache*, что переводится на русский язык как ‘родной язык’, но буквально значит ‘материнский язык’); это, однако, лишь добавляет новые проблемы, поскольку первым — и даже единственным — языком ребенка может оказаться родной язык не матери, а отца или вообще язык, которым оба родителя плохо владеют.

² Один с детства двуязычный шведско-русский ребенок (вырос в Стокгольме, но родители с ним и при нем говорили исключительно по-русски), характеризуя свою языковую компетенцию, сказал, что он наполовину швед, наполовину русский, но его шведская половина все же немного больше.

виду, приобретают статус **дополнительных языков**¹ — к ним коммуникант прибегает реже, чем к основному, и (или) в социально менее значимых ситуациях. Часто основным языком — это тот, на котором осуществляется межэтническая коммуникация. Но даже и в этнически однородной коммуникативной среде функции основного языка может выполнять не родной, а второй язык.

По тому, как индивид приобретает языковые навыки, языки подразделяются на **усвоенные** в живом общении (родным языком человек овладевает именно так) и **выученные**, те, которые индивид специально изучал в школе или самостоятельно. Русская терминология в этой области совершенно не устоялась², но само противопоставление чрезвычайно важно. Обучение практически всегда связано с овладением письменной формой языка и литературной нормой. Преднамеренное выучивание чужого языка — часто дело индивидуальное; напротив, живое усвоение второго языка (в наши дни часто совмещающееся с формальным обучением, но не обучение играет в этом случае главенствующую роль при овладении языком) не только ведет к образованию и расширению двуязычных языковых сообществ, но имеет важные последствия для судеб самих усваиваемых языков. Это путь к возникновению региональных вариантов усваиваемого языка.

Специфика таких вариантов второго языка в первую очередь обусловлена воздействием на него родного языка (или языков) говорящих через интерференцию (об этом в параграфе 1.7). Такие региональные разновидности часто называют **этнолектами**, хотя основу коммуникативного сообщества могут составлять различные этносы, например, на дагестанском этнолекте русского языка в Дагестане говорят представители разных народов, включая и местных русских старожилы. Именно этнолект часто становится родным языком одноязычных представителей языкового сообщества независимо от их этнической принадлежности.

1.3. Языковой код

Каждое языковое сообщество пользуется определенными средствами общения — языками, их диалектами, жаргонами, стилистическими разновидностями языка. Любое такое средство можно назвать **кодом**.

В самом общем смысле код — это **средство коммуникации**: естественный язык (русский, английский, сомали и т.п.), искусственный язык типа эсперанто или типа современных машинных языков, азбука Морзе, морская флажковая сигнализация и т.п.

---

¹ Русские термины «основной (доминирующий) язык» и «дополнительный язык» нельзя считать общепринятыми. В англоязычной социалингвистике терминология более устойчива: первый по порядку усвоения язык называется **first language**, а любой усвоенный после него — **second language**; коммуникативно наиболее важный язык — **primary language**, а более ограниченный в использовании — **secondary language**.

² В англоязычной науке противопоставляется **second language acquisition** (в живом общении) и **language learning** (через специальное изучение). *Second language acquisition* — отдельная языковедческая дисциплина на стыке психо- и социалингвистики.

В лингвистике кодом принято называть языковые образования: язык, территориальный или социальный диалект, городское койне, пиджин, лингва-франка и т.п. (ниже мы остановимся на этих понятиях подробнее).

Наряду с термином «код» употребляется и термин «субкод». Он обозначает **разновидность, подсистему некоего общего кода**, коммуникативное средство меньшего объема, более узкой сферы использования и меньшего набора функций, чем код. Например, такие разновидности современного русского национального языка, как литературный язык, территориальный диалект, городское просторечие, социальный жаргон, — это субкоды, или подсистемы, единого кода (русского национального языка). В дальнейшем мы будем употреблять термины субкод и подсистема как синонимы.

Субкод, или подсистема, также может члениться на разновидности и, тем самым, включать в свой состав субкоды (подсистемы) более низкого уровня и т.д. Например, русский литературный язык, сам являющийся субкодом по отношению к национальному языку, членится на две разновидности — кодифицированный язык и разговорный язык, каждая из которых обладает определенной самостоятельностью и различается по функциям: кодифицированный язык используется в книжно-письменных формах речи, а разговорный — в устных, обиходно-бытовых формах. В свою очередь кодифицированный литературный язык дифференцирован на стили, а стили реализуются в разнообразных речевых жанрах; некое подобие такой дифференциации есть и в разговорном языке.

В отечественной социолингвистике субкоды часто именуются **формами существования языка**, на Западе их также называют **регистрами** данного языка.

1.4. Социально-коммуникативная система

Совокупность кодов и субкодов, используемых в данном языковом сообществе и находящихся друг с другом в отношениях функциональной дополнительности, называется **социально-коммуникативной системой этого сообщества**.

В этом определении требует разъяснений словосочетание «функциональная дополнительность». Оно означает, что каждый из кодов и субкодов, образующих социально-коммуникативную систему, имеет свои функции, не пересекающиеся с функциями других кодов и субкодов (тем самым все они как бы **дополняют** друг друга по функциям).

Например, каждый стиль литературного языка — научный, официально-деловой, публицистический — имеет свои специфические функции, не свойственные другим стилям, а вместе они функционально дополняют друг друга, образуя систему, способную «обслуживать» все коммуникативные потребности данного общества (которое можно условно назвать обществом носителей литературного языка; кроме них, есть еще, например, носители диалектов, просторечия) и все сферы общения.

В многоязычном обществе социально-коммуникативную систему образуют разные языки, и коммуникативные функции распределяются между ними (при этом каждый из языков может, естественно, подразделяться на субкоды — диалекты, жаргоны, стили).

Понятие социально-коммуникативной системы ввел в научный оборот в середине 1970-х гг. московский ученый А. Д. Швейцер. Он особо подчеркивал функциональный аспект этого понятия: «Отношение функциональной дополнителности означает социально детерминированное распределение сосуществующих в пределах данного языкового коллектива систем и подсистем по сферам использования (книжно-письменная речь, бытовое общение и т.п.) и общественным функциям (наука, культура, образование, религия), с одной стороны, и по социальным ситуациям — с другой» (Швейцер, 1976а, с 76).

1.5. Языковая ситуация

Компоненты социально-коммуникативной системы, обслуживающей то или иное языковое сообщество, находятся друг с другом в определенных отношениях. На каждом этапе существования языкового сообщества эти отношения более или менее стабильны. Вместе с тем изменение политической обстановки в стране, смена государственного строя, экономические преобразования, новые ориентиры в социальной и национальной политике и другие факторы могут так или иначе влиять на состояние социально-коммуникативной системы, на ее состав и на функции ее компонентов — кодов и субкодов.

Функциональные отношения между компонентами социально-коммуникативной системы на том или ином этапе существования данного языкового сообщества формируют **языковую ситуацию**, характерную для этого сообщества¹.

Понятие «языковая ситуация» применяется обычно к большим языковым сообществам — странам, регионам, республикам. Для этого понятия важен фактор времени: по существу, языковая ситуация — это характеристика социально-коммуникативной системы в определенный период ее функционирования.

Например, на Украине, где социально-коммуникативная система включает в качестве главных компонентов украинский и русский языки (помимо них есть белорусский, болгарский, венгерский, чешский и некоторые другие), до распада СССР наблюдалось относительное динамическое равновесие между этими языками. Существовали школы и с украинским, и с русским языком обучения, в науке и высшем образовании были в обращении оба языка, в известной мере деля сферы применения

---

¹ В книге Л. Б. Никольского «Синхронная социоллингвистика» языковой ситуацией называется «совокупность языков, подязыков и функциональных стилей, обслуживающих общение в административно-территориальном объединении и в этнической общности» (Никольский, 1976, с. 79–80). В этом определении не принят во внимание аспект функционирования кодов и субкодов, входящих в указанную совокупность, их соотношение по функциям на данном этапе существования административно-территориальных и этнических общностей.

(естественные и технические науки — преимущественно на русском языке, гуманитарные — преимущественно на украинском). В бытовом общении выбор языка определялся интенциями говорящего, типом адресата, характером ситуации общения и т.п. В 90-е гг. XX в. функции русского языка на Украине резко сужаются, он вытесняется украинским языком из сфер среднего и высшего образования, науки, культуры; применение русского языка в бытовом общении также сокращается.

Эти перемены — несомненное свидетельство изменения языковой ситуации, в то время как состав социально-коммуникативной системы, обслуживающей украинское языковое общество, остается прежним.

О том, как складывалась языковая ситуация в нашей стране, рассказано в Приложении к данному учебнику.

1.6. Переключение и смешение кодов

Как уже говорилось, коды (языки) и субкоды (диалекты, стили), составляющие социально-коммуникативную систему, функционально распределены. Это значит, что один и тот же контингент говорящих, которые составляют данное языковое общество, владея общим набором коммуникативных средств, использует их в зависимости от условий общения. Например, если вести речь о субкодах литературного языка, то в научной деятельности носители литературного языка используют средства научного стиля речи, в делопроизводстве, юриспруденции, административной переписке они же прибегают к средствам официально-делового стиля, в сфере религиозного культа — к словам и конструкциям стиля религиозно-проповеднического и т.д. Иначе говоря, в зависимости от сферы общения говорящий **переключается** с одних языковых средств на другие.

Похожая картина наблюдается и в тех обществах, где используется не один, а два языка (или несколько). **Билингвы**, т.е. люди, владеющие двумя (или несколькими) языками, обычно «распределяют» их использование в зависимости от условий общения: в официальной обстановке, при общении с властью используется преимущественно один язык, а в обиходе, в семье, при контактах с соседями — другой (другие). И в этом случае можно говорить о переключении с одного кода на другой, только в качестве кодов фигурируют не стили одного языка, как в первом примере, а разные языки.

Переключение кодов, или **кодоевое переключение** — это переход говорящего в процессе речевого общения с одного языка (диалекта, стиля) на другой в зависимости от условий коммуникации¹.

---

¹ Термин «переключение кодов (кодоевое переключение)» является переводом английского термина *code-switching*. Первые работы, исследующие механизм переключения кодов, появились в англоязычной лингвистической литературе в середине 70-х гг. XX в. Однако на само это явление, еще без использования указанного термина, раньше обратил внимание Р. Якобсон, который писал: «Любой общий код многоформен и является иерархической совокупностью различных субкодов, свободно избираемых говорящими в зависимости от функции сообщения, адресата и отношений между собеседниками» (Jakobson, 1970, с. 458).

Что, какие изменения в условиях коммуникации заставляют говорящего менять код? Например, *смена адресата*, т.е. того, к кому обращается говорящий. Если адресат владеет только одним из двух языков, которые знает говорящий, то последний, естественно, должен использовать именно этот, знакомый адресату, язык, хотя до этого момента в общении с собеседниками-билингвами мог использоваться другой язык или оба. Переключение на известный собеседнику языковой код может происходить даже в том случае, если меняется состав общающихся: если к разговору двоих билингвов присоединяется третий человек, владеющий только одним из известных всем трем языков, то общение должно происходить на этом языке. Отказ же собеседников переключиться на код, знакомый третьему участнику коммуникации, может расцениваться как нежелание посвящать его в тему разговора или как пренебрежение к его коммуникативным запросам.

Фактором, обуславливающим переключение кодов, может быть *изменение роли* самого говорящего. Скажем, в роли отца (при общении в семье) или в роли соседа по дому он может использовать родной для него диалект, а обращаясь в органы центральной власти, он вынужден переключаться на более или менее общепринятые формы речи. Если такого переключения не произойдет, представители власти его не поймут и он не достигнет своей цели (удовлетворить просьбу, рассмотреть жалобу и т.п.), иначе говоря, потерпит *коммуникативную неудачу*.

Тема общения также влияет на выбор кода. По данным исследователей, занимающихся проблемами общения в условиях языковой неоднородности, «производственные» темы члены языковых сообществ предпочитают обсуждать на том языке, который имеет соответствующую специальную терминологию для обозначения различных технических процессов, устройств, приборов и т.п. Но как только тема с производственной меняется на бытовую, «включается» другой языковой код или субкод — родной язык или диалект собеседников. В одноязычном обществе при подобной смене кода происходит переключение с профессионального языка на общепотребительные языковые средства.

В каких местах речевой цепи говорящие переключают коды? Это зависит от характера влияния тех факторов, о которых только что шла речь. Если влияние того или иного фактора говорящий может предвидеть и даже в каком-то смысле планировать, то переключение происходит на естественных границах речевого потока: в конце фразы, синтаксического периода, при наиболее спокойном режиме общения — по завершении обсуждения какой-либо темы. Однако если фактор, обуславливающий кодовое переключение, вмешивается неожиданно для говорящего, то говорящий может переключаться с кода на код посередине фразы, иногда даже не договорив слова. При высокой степени владения разными кодами или субкодами, когда использование их в значительной мере автоматизировано, процесс кодового переключения может не осознаваться говорящим, особенно в тех случаях, когда другой код (субкод) используется не целиком, а во фрагментах. Например, говоря на одном языке, человек может вставлять в свою речь элементы другого языка — фразеологизмы, модальные слова, междометия, частицы.

Способность к переключению кодов свидетельствует о достаточно высокой степени владения языком (или подсистемами языка) и об определенной коммуникативной и общей культуре человека. Механизмы кодовых переключений обеспечивают взаимопонимание между людьми и относительно комфортность процесса речевой коммуникации. Напротив, неспособность индивида варьировать свою речь в зависимости от условий общения, приверженность лишь одному коду (или субкоду) воспринимается как аномалия и может приводить к коммуникативным конфликтам.

Переключение кодов следует отличать от таких явлений, как *заимствование* языковых единиц и их *вкрапление* в речь. Переключаясь на другой код (например, на иной язык), говорящий использует его элементы в полном соответствии с фонетическими, грамматическими и иными свойствами этих элементов. При заимствовании слово или какая-либо другая единица подчиняется (хотя бы частично) фонетике и грамматике заимствующего языка. При вкраплении сохраняется иносистемный облик вкрапленного элемента, но этот элемент употребляется в некоем «застывшем» виде, не видоизменяясь в соответствии со словоизменительными моделями или с моделями синтаксическими.

Поясним это на примерах.

Хрестоматийный пример переключения кодов — смена русского языка на французский (и обратно) в речи дворян — персонажей романа Л. Н. Толстого «Война и мир». Общение и на русском, и на французском происходит в соответствии с нормами каждого из этих языков:

«Анна Павловна, увидев Пьера, тронула его пальцем за рукав.

— Attendez, j'ai des vues sur vous pour ce soir. — Она взглянула на Элен и улыбнулась ей.

— Ma bonne Hélène, il faut, que vous soyez charitable pour ma pauvre tante, qui a une adoration pour vous. Allez lui tenir compagnie pour 10 minutes. А чтоб вам не очень скучно было, вот вам милый граф, который не откажется за вами следовать».

Л. Н. Толстой, «Война и мир». Т. I. Ч. 3.

Когда те же герои, говоря по-русски, употребляют слова *граф*, *рескрипт*, *министр*, *политика*, *гвардия*, то перед нами — заимствования, подчиняющиеся нормам русского языка: в них согласные смягчаются перед (е), гласные подвергаются редукции в безударном положении, существительные склоняются и имеют признаки определенного грамматического рода, глаголы спрягаются и т.д.

Примерами вкраплений могут быть обороты типа *ce là vi (c'est la vie)*, латинские выражения *alter ego*, *terra incognita* и подобные им, а также отдельные иноязычные слова, которые употребляются в неизменном виде, хотя и могут связываться со словами окружающего контекста по моделям, «подсказанным» синтаксисом либо языка-источника, либо языка-реципиента, например:

«Фирма *Rowenta* <...> Великолепная вода от *Rowenta!*» (телевизионная реклама); «К тому же слух уже перестал удивляться и жадно реагировать на пышно-красочные пейзажи и музыкальную *nature morte*» (Б. В. Асафьев. «Книга о Стравинском»; фр. *nature* — женского рода, ср. вошедшее в рус-

ский язык слово *натюрморт*: оно мужского рода); « — Высыпьте на стол ваш табак, — сказал офицер *désolé* (огорченный)» (А. И. Герцен. «Былое и думы»; сохранен порядок слов, свойственный французскому языку, с постпозицией определения; по-русски было бы: *сказал огорченный офицер*); «Совершив предварительно *европейское shake hands*, он (Павел Петрович) три раза, по-русски, поцеловался с ним (племянником)...» (И. С. Тургенев. «Отцы и дети»; согласование по среднему роду подсказано русским аналогом английского словосочетания *shake hands* — рукопожатие).

Как мы видели, переключение кодов мотивировано; наряду с этим в речи билингвов часто встречается **смешение кодов**, когда переход от одного языка к другому не имеет мотивировки. Граница кодов может проходить даже внутри тесно связанного словосочетания, так что определение принадлежит одному языку, определяемое — другому, глагол одному языку (с соответствующей морфологией), а зависимые от него слова — другому и т.п. Вот начало цыганского фольклорного рассказа о графе Чёрном (Елоева, Русаков, 1990, с. 54–55):

Сыс граф Чёрный. Сыс ёв барвало, но сыс ёв страшно <...> Ёв сыс очень страшно. А сыс ёв барвало, ну, может, ёв сыс миллиардеро <...> И якэ приглашает лэс, значит, московско княгиня по бало. Граф Чёрный полэл депешо. «Вы немедленно севодня должны тэ авэл к шести часам по бало». Ну со ж, запрягает ёв тройка, выезжает по да бало <...> И выходит кокори княгиня Оболенско кэ ёв чокаться. «Князь Черный, севодня мой день ангела. Я задаю тебе вопрос: со кучедыр по свето сы, капитал или красота?»

Был граф Чёрный. Был он богатый, но был он страшный <...> Он был очень страшный. А был он богатый, ну, может, он был миллиардером <...> И вот приглашает его, значит, московская княгиня на бал. Граф Чёрный берет депешу. «Вы немедленно, сегодня должны прийти к шести часам на бал». Ну что ж, запрягает он тройку, выезжает на этот бал <...> И выходит сама княгиня Оболенская к нему чокаться. «Князь Черный, сегодня мой день ангела. Я задаю тебе вопрос: что дороже на свете, капитал или красота?»

Основа текста — цыганская, часть русских вкраплений — заимствования, оформленные в тексте в соответствии с цыганской морфологией, однако в нескольких случаях глагол и его актанты принадлежат разным языкам, например, при русском предикате *запрягает* субъект выражен цыганским местоимением, объект — русским заимствованием, но с цыганской морфологией (*-а* в *тройка* в данном случае правильный показатель accusativa). В русском вводном выражении *ну что ж* местоимение *что* оказалось заменено цыганским *со*. В двух случаях здесь представлено оправданное переключение кодов — при цитировании русского текста записки и слов княгини, однако оба раза во второй половине этих фраз рассказчик сбивается на смешение русского и цыганского языков.

1.7. Интерференция

В речи билингва происходит взаимовлияние языков, которыми он пользуется. Это взаимовлияние касается как речи, так и языка и может проявляться в любых языковых подсистемах: в фонетике, в грамматике, в лексике.

Всякое воздействие одного языка билингва на другой, а также результат этого воздействия называется **интерференцией**.

Обычно под интерференцией понимают только неконтролируемые процессы, а сознательные заимствования к ней не относят.

Направление интерференции может быть различным. Наиболее частой является интерференция родного языка во второй, однако если второй язык становится основным, то и он может воздействовать на родной. Это легко заметить по русской речи эмигрантов из России, проживших в иноязычной среде несколько лет.

Проницаемость разных подсистем языка различна и связана с направлением интерференции. В фонетической области интонация основного языка легко воздействует на интонацию родного дополнительного, а в системе фонем и фонотактике, как правило, ведущим оказывается влияние системы родного языка на вторые языки.

Фонологическая интерференция проявляется в трех аспектах. 1. **Недо-различение** фонем (например, снятие противопоставления по мягкости в парах типа *рад/ряд* в белорусском этнолекте русского языка). 2. **Сверх-различение** фонем (француз, например, может различать открытое и закрытое [e/ɛ] в русском). 3. **Реинтерпретация** фонологических различий (например, немцы склонны интерпретировать русское противопоставление глухих и звонких согласных как противопоставление сильных/слабых).

В последнем случае у русского монолингва создается впечатление, что немец путает глухие и звонкие. Вот как, например, Д. И. Фонвизин в «Недоросли» изображает речь немца Адама Адамовича Вральмана: *Расумной шеловек никахта ефо [Митрофанушку] не сатерет, никахта з ним не саспорит; а он с умными лютыми не сфясыфайся, так и пудет плаготенствие Пожие*. Парные звонкие в большинстве случаев (3/4) представлены здесь глухими, но в отдельных случаях (з *ним*) происходит озвончение глухих.

В области фонотактики наиболее сильно на второй язык воздействует тип редукции родного языка. Русские и немцы с трудом осваивают произношение конечных звонких согласных в английском. Лица с родным украинским языком, наоборот, переносят на русский привычную модель, сохраняющую звонкость согласного в конце слова и в середине перед глухим: *но[д]писать, са[д]* и т.п., в результате чего появляются минимальные пары типа *дедка/детка, дужка/душка*. Сходным образом во втором языке проявляется и свойственный родному языку тип редукции гласных. Русские часто склонны редуцировать безударные *o*-образные гласные во вторых языках, а «кавказский» акцент характеризуется, в частности, произнесением гласного *a* полного образования на месте русских безударных *o* и *a*. Болгарский бизнесмен, отвечая в телеинтервью на вопрос, с чего он начал свое дело, сообщил, что для начала он *накупил денег*, имея в виду *накопил*. Говоря по-русски вполне свободно, он сохранял тип редукции безударных гласных, свойственный его родному языку: если в русском фонема **o**